

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение положения правящей элиты в Русском государстве представляет большой научный интерес. От решения данного вопроса во многом зависят наши представления о взаимоотношении власти и общества в целом, об особенностях путей политического развития России в допетровский период и в начале петровского времени. Не случайно проблеме взаимоотношений внутри правящей элиты и политической борьбы уделено значительное внимание в исторической литературе. Истории правящей элиты (правлящих верхов) Русского государства эпохи Средневековья и начала Нового времени посвящена обширная отечественная историография. Достаточно назвать фундаментальные исследования В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, Н. П. Павлова-Сильванского, Н. П. Лихачева, С. Б. Веселовского, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина, Н. Е. Носова, С. О. Шмидта, С. М. Троицкого, С. М. Каштанова, Р. Г. Скрынникова, В. Б. Кобрин, Ю. Г. Алексева, В. А. Кучкина, Н. Ф. Демидовой, В. Д. Назарова, Б. Н. Флори, А. Л. Станиславского, С. П. Мордовиной, М. Е. Бычковой, А. А. Горского. Немалое внимание этой тематике уделено и в зарубежной историографии — в работах Р. О. Крамми, Н. Коллман, Г. Алефа, А. М. Клеймолы, Х. Рюсса, А. Береловича, И. Грали и других исследователей. И тем не менее нельзя сказать, что тема правящей элиты раскрыта в исторической литературе полно и всесторонне. Далеко не все хронологические этапы истории русской правящей элиты изучены равномерно. Основное внимание историков уделено ранним периодам ее истории (до XVII в.). Значительно меньше исследована правящая элита XVII—начала XVIII вв. Неравномерно изучены и различные группы элиты. Главное внимание исследователей сосредоточено на изучении междукняжеских отношений, Боярской думы и боярской аристократии, приказной бюрократии; более широкие слои служилых людей, принимавших участие в управлении государством (дворяне, дворовые дети боярские и т. д.), изучены значительно меньше. По сути «белым пятном» в историографии остается история правящей элиты XVII—начала XVIII вв. В историографии изучались лишь вопросы, связанные с историей Боярской думы (исследования В. О. Ключевского, Р. Крамми, О. Е. Кошелевой, А. С. Лаврова, М. По и других авторов),

отдельных групп государева двора (работы И. Ю. Айрапетян, Е. Ю. Люткиной) и дьячества (исследования С. К. Богоявленского, Н. Ф. Демидовой и др.) XVII в. История же правящей элиты Русского государства (государева двора) этого столетия в целом не получила специального освещения. Недостаточно разработанной в историографии остается история церковной иерархии, ее структуры и роли в государственном управлении.

Но самое главное — в литературе отсутствуют труды, посвященные истории правящей элиты как таковой. В историографии представлены либо работы по истории русского дворянства в общем, либо отдельных его групп (в том числе и отдельных групп элиты). До сих пор не предпринималось попыток изучения правящей элиты в целом, ее состава, структуры и взаимоотношений между различными ее частями. Не вполне разработаны сами принципы и критерии выделения правящей элиты из общей массы служилого и неслужилого населения, вопросы терминологии и структуры элиты на разных этапах исторического развития. В историографии до сих пор отсутствуют работы, в которых освещалась бы история правящей элиты и отдельных ее групп на протяжении всего периода от Киевской Руси до начала петровских преобразований. Между тем, исследование элиты на широком хронологическом отрезке позволило бы более наглядно и глубоко представить ход и направления эволюции элиты в связи с изменениями, происходившими в социальном и политическом строе государства, и, в частности, проследить процесс эволюции русского боярства от его зарождения до упадка в конце XVII—начале XVIII вв., показать эволюцию дворянства и изменения самого содержания понятия «дворянин» на протяжении ряда столетий, рассмотреть эволюцию различных чинов великокняжеского и царского двора и т. д.

Главная задача предлагаемых очерков — проследить историю правящей элиты Русского государства на протяжении почти тысячелетнего периода отечественной истории — от времен Киевской Руси до начала петровских преобразований.

Работа, с одной стороны, обобщает достижения предшествующей историографии в области изучения правящих верхов Русского государства от периода Киевской Руси до петровских преобразований, а с другой (учитывая имеющиеся в историографии лакуны) — представляет собой самостоятельное и оригинальное исследование, основанное на изучении широкого и разнообразного круга источников (летописей и других нарративных источников русского и иностранного происхождения, законодательных памятников, публично-правовых и частных актов, боярских списков и боярских книг, Тысячной книги и Дворовой тетради, десятиен, жилецких списков, разрядных книг, родословных книг, писцовых книг, списков царедворцев и др.). Преимущественно на новых архивных материалах (данных боярских списков, боярских книг, жилецких списков, десятиен, писцовых книг, столбцов приказного делопроизводства, актов) построены разделы, в которых освещается история правящей элиты XVII—начала XVIII вв. Авторы ставят одной из главных своих задач создать у читателей цельное и конкретное представление о

составе, структуре, численности, социальном облике правящей элиты и ее отдельных групп, ее эволюции.

Перед авторами книги не мог не встать вопрос о самом понятии «правлящая элита» применительно к различным этапам русской истории IX—начала XVIII вв. Мы используем принятый в современной политологии термин «элита», под которым понимается социальная группа, занимающая доминирующее положение в обществе; соответственно, под правящей (политической) элитой подразумевается социальная группа, занимающая доминирующее положение в аппарате управления государством¹. В качестве синонима понятия «правлящая элита» один из основоположников теории элит Г. Моска употребляет понятие «правлящий класс». Таким образом, под правящей элитой следует понимать не узкую группу наиболее видных политических деятелей (царских фаворитов, членов Ближней думы и т. д.), а определенный социальный слой, точнее — определенные социальные группы, представители которых в силу своего происхождения, богатства и т. д. имели преимущественное право на занятие высших, командных постов в государственном аппарате. С другой стороны, понятие «правлящей элиты» отнюдь не тождественно употреблявшемуся в советской марксистской историографии широкому понятию «господствующий класс».

Для периода единого Русского государства конца XV—XVII вв. под светской правящей элитой нами, в соответствии с установившейся традицией (труды С. Б. Веселовского, А. А. Зимина и других исследователей), понимается государев двор. Члены государева двора имели преимущественное право на замещение высших придворных, военных и административных должностей в государстве. Верхушку двора представляла Боярская дума, являвшаяся одновременно и высшим правительственным органом. Члены государева двора обычно составляли основную часть служилых людей на земских соборах. Государев двор, таким образом, как бы цементировал деятельность высших органов государственной власти, все важнейшие сферы тогдашней системы управления страной. Как особая правящая и привилегированная группа служилых людей государев двор заметно возвышался над остальной массой рядовых дворян (детей боярских), несших службу «с городом» (по различным городам) и не имевших возможности непосредственно участвовать в работе высшего аппарата управления. Государев двор представлял собой особый, вполне определенный социально-политический институт — его состав фиксировался специальными учетными документами и, прежде всего, боярскими списками. В историографии к настоящему времени сложилось весьма плодотворное и перспективное направление по изучению его персонального состава и структуры (работы С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, В. Б. Кобрин, Б. Н. Флори, В. Д. Назарова, А. Л. Станиславского и С. П. Мордовиной и др.).

¹ «Elites» // International Encyclopedia of the Social Sciences / Ed. D. L. Sills. New York, 1972. Vol. 5. P. 26—29.

Сложнее очертить состав и структуру правящей элиты для более ранних периодов русской истории — времени разложения родоплеменного строя, Киевской Руси и политической раздробленности. В работе предпринята попытка проследить сложный и многогранный процесс элитообразования в Древней Руси, раскрыть роль и функции княжеской дружины в государственном управлении, показать процесс интеграции членов дружины и слуг княжеского двора, формирования великокняжеского и удельных дворов, оформления внутри двора различных сословных и чиновных групп (служилых князей, бояр, дворян, детей боярских и т. д.). В то же время авторы монографии отнюдь не пытаются свести сложный процесс становления и генезиса правящей элиты Древней Руси к эволюции княжеской дружины и двора (служилой элите). В работе учитывается весьма значительная роль в государственном управлении древнерусского периода наряду со служилой элитой местной неслужилой знати (местного боярства, городской верхушки). Одной из важных задач работы является попытка проследить процесс интеграции столичной (московской) и местной элит (удельных князей и членов их дворов) в состав единой общерусской элиты — московского великокняжеского (государева) двора — в ходе политического объединения Руси, раскрыть особенности этого процесса, показать характер и направление политики московских князей по отношению к элитам присоединенных к Москве земель и княжеств.

Как к постоянно эволюционировавшему социально-политическому институту авторы подходят и к государеву двору конца XV—начала XVIII вв. В работе прослеживаются процессы перехода от территориальной к чиновной структуре государева двора, постепенного обособления двора от местных (уездных) дворянских служилых корпораций, становления двора как достаточно замкнутой правящей и привилегированной верхушки служилых людей. В то же время государев двор рассматривается в работе как сложная и далеко не однородная в социальном плане структура. Большое внимание уделяется анализу взаимоотношений между различными сословными и чиновными группами внутри двора и, в частности, изменениям соотношения между аристократической («боярской») и «дворянской»² прослойками двора. Одной из важных задач работы является попытка детально проследить изменения персонального состава и структуры государева двора, а также объяснить причины стремительного увеличения его численности в XVII в. и особенно после Смуты и в последней трети века. В работе отмечается ведущая роль государева двора в административном и военном управлении государством. Однако если для периода XVI—первой половины XVII вв. под правящей элитой

² Под боярской знатью понимается группа родов и фамилий (преимущественно княжеского и старомосковского боярства), представители которых были традиционно связаны с Боярской думой и имели в силу своего происхождения преимущественное право на получение высших думных чинов бояр и окольных. Круг родов, составлявших боярскую элиту, был довольно устойчив, хотя и не оставался неизменным на протяжении XVI—XVII вв. (см.: Павлов А. П. Проблема «боярство и дворянство» XVI—XVII вв. и генеалогия // Генеалогия: Источники. Проблемы. Методы исследования. М., 1989. С. 12—14).

авторами монографии понимается государев двор в полном составе, то для второй половины XVII в., когда число членов двора стало значительно превышать реальные потребности аппарата государственного управления и начался постепенный процесс оседания некоторых групп столичного дворянства по городам, под правящей элитой авторы подразумевают преимущественно верхний слой двора — членов Боярской думы, а также стольников как наиболее аристократический чин московского дворянства. Большое внимание в работе уделяется изучению роли Боярской думы как высшего органа государственной власти и как органа представительства боярской аристократии, анализу изменения положения Боярской думы в государстве в связи с процессами централизации страны и становления самодержавного строя.

В монографии прослеживается сложный процесс формирования новой элиты в период петровских преобразований и крушения прежней системы московских чинов под влиянием острой политической борьбы и в связи с утверждением новых принципов организации правящей элиты (принятие Табели о рангах и других законодательных актов); раскрывается механизм взаимодействия и сосуществования новых и старых чинов и властных структур, показывается процесс интеграции Боярской думы в новую систему государственного устройства петровского периода.

Наряду с изучением светской правящей элиты в разделах монографии раскрывается роль и участие в государственном управлении церковной иерархии, функции которой по мере эволюции русской государственности все более тесно переплетались с функциями светской власти. При этом исследуется не только тема взаимоотношения церковных иерархов и светских властей («святителей и власти»), но и предпринимается попытка представить саму структуру церковной организации, показать состав и деятельность различных властных церковных структур (церковный Освященный собор и др.).

Таким образом, правящая элита рассматривается в работе исторически, как постоянно меняющийся общественно-политический организм.

Монография состоит из пяти разделов, построенных по хронологическому принципу.

В первой части работы (автор М. Б. Свердлов) рассмотрены процессы становления и эволюции правящей элиты Древней Руси IX—первой половины XIV вв.; вторая часть (автор Л. И. Ивина) посвящена изучению правящей элиты периода становления единого Русского государства (вторая половина XIV—первая половина XVI вв.); в третьей части дается характеристика светской правящей элиты — государева двора (автор А. П. Павлов) и церковной иерархии (автор В. Г. Вовина) второй половины XVI—первой половины XVII в.; в четвертой части (автор П. В. Седов) рассматривается эволюция правящей элиты в 60—80-е гг. XVII в., в период, ознаменованный существенными переменами в составе и структуре государева двора; и, наконец, в небольшом заключительном разделе (ч. V — автор Е. В. Анисимов) освещены проблемы разрушения старой системы московских служилых чинов и формирования новой дворянской элиты в период петровских преобразований.

Работа объединена общим замыслом — выработать четкое и конкретное представление о составе, структуре и социальном облике правящей элиты на различных этапах русской истории и проследить во всей сложности и многообразии процесс ее эволюции. При этом авторы стремились исходить в своем исследовании прежде всего из самого исторического материала, а не заранее составленных концепций и схем. В разделах работы рассматривается в целом один и тот же круг вопросов — состав, численность и структура правящей элиты, взаимоотношения отдельных ее частей, участие в управлении страной и т. д. В то же время при написании разделов монографии каждый из авторов выбирал ту форму и структуру изложения, которая представлялась ему наиболее целесообразной. Нами не делалось попыток нивелировать структуру отдельных глав, учитывая разнородность изучаемого материала, а также творческую индивидуальность каждого автора. По некоторым вопросам (в частности, о сословном статусе правящей элиты и ее отдельных групп) авторы придерживаются различных позиций.

Ввиду широкого хронологического охвата темы, большого объема исследуемого материала, неразработанности многих сюжетов в историографии наше исследование не может претендовать на исчерпывающую полноту. Так, недостаточная изученность в литературе правящих верхов XVII в., а также большой объем архивного материала заставили авторов соответствующих разделов сконцентрировать внимание на переломных периодах истории элиты этого столетия, а именно — на проблемах изменения состава и структуры государева двора в послесмутное время (в царствование Михаила Федоровича), а также в третьей четверти века (с конца царствования Алексея Михайловича), когда отмечался интенсивный, беспрецедентный рост численности дворовых.

Настоящая работа является по сути первой попыткой представить историю правящей элиты Русского государства и ее эволюцию на протяжении IX—начала XVIII вв. Ряд сюжетов, затронутых в монографии, нуждается в дальнейшем монографическом исследовании. Перспективной задачей является сравнительно-историческое изучение русской элиты и правящих элит зарубежных стран. В этой связи нам представляется, что на данном этапе еще преждевременно подводить общие итоги изучения правящей элиты Русского государства периода Средневековья и начала Нового времени.

Вместе с тем, уже сейчас достаточно четко вырисовываются некоторые основные тенденции и особенности процесса становления и развития русской правящей элиты IX—первой четверти XVIII вв. Одной из главных отличительных особенностей русской правящей элиты по сравнению с элитами других стран Европы являлось отсутствие развитых традиций частного вотчинного землевладения и тесная зависимость правящих верхов от монархии и государственной службы. При этом служилый характер русской правящей элиты довольно отчетливо проявился уже в древнерусский период. Важной особенностью правящей элиты в период становления и развития Русского централизованного государства являлось постепенное отстранение от участия в управлении государством местной верхушки и сосредоточение важ-

нейших функций военной, административной и судебной власти в руках московской служилой знати и приказной бюрократии. Проанализированные в настоящей работе данные позволяют прийти к выводу о незавершенности оформления сословного статуса правящей элиты Русского государства к концу рассматриваемого периода. Даже несмотря на существенный перелом, происшедший в облике русской правящей элиты в петровскую эпоху, процесс становления нового дворянского сословия далеко не был закончен в первой четверти XVIII в. и продолжался до конца XVIII—начала XIX вв.

Авторы благодарят сотрудников Отдела древней истории России Санкт-Петербургского Института истории РАН В. М. Панеяха и З. В. Дмитриеву, а также С. А. Козлова и М. М. Крома, принимавших участие в обсуждении книги и сделавших ценные критические замечания.

Часть V

Верхи русского общества начала петровской эпохи

С реформами Петра Великого в России начинается новая историческая эпоха. Они оказали огромное влияние на русское общество в самых разных областях жизни, изменили социальную структуру, начиная с его низов и кончая правящей элитой. Главная особенность этого периода состояла в коренной перестройке социальной структуры общества при наличии переходности, зыбкости, амбивалентности процессов, протекавших в недрах российского социума.

На историю и судьбу правящих верхов конца XVII—начала XVIII вв. оказывали влияние несколько важных факторов. Среди них выделяются три самых существенных. Во-первых, это общий процесс кризиса и распада служилого класса, который наметился задолго до петровских реформ, но особенно обострился к концу XVII—началу XVIII вв. Во-вторых, это политическая, точнее сказать — династическая, борьба, которая началась в правящей элите в начале 1680-х гг. и сопровождалась опалами, отставками, ссылками и казнями, а также частичным обновлением правящей верхушки. Весь этот процесс резко усилился с окончательной победой Нарышкиных над Милославскими в августе 1689 г. и особенно с началом петровских реформ после возвращения Петра I из длительной заграничной поездки 1697—1698 гг. В-третьих, облик правящей элиты резко изменили сами петровские реформы, их социальная направленность оказала радикальное влияние на правящую элиту в целом.

Особенно важным для изменений элиты оказался период с 1682 по 1698 гг. Это была продолжительная полоса политической борьбы придворных группировок за власть. Особенно острым было время с 1682 по 1689 гг., когда, после смерти царя Федора Алексеевича в апреле 1682 г., группировка, сплотившаяся вокруг второй жены царя Алексея Михайловича — царицы Натальи Кирилловны из рода Нарышкиных — и боярина Артамона Матвеева, совершила, в сущности, дворцовый переворот: на престол возвели Петра, младшего сына царя Алексея, хотя старшим в роду считался царевич Иван, сын Алексея от первого брака с Марией Милославской. Ответ «партии» Милославских был страшен: поднятые на бунт стрельцы растерзали Матвеева, братьев цари-

цы Натальи и многих других ее сторонников. В результате стрелецкого мятежа установилось двоевластие царей Петра и Ивана, а фактически власть оказалась в руках волевой, честолюбивой царицы Софьи Алексеевны, приблизившей к себе князя Василия Голицына и Федора Шакловитого. До 1689 г. сохранялось неустойчивое положение, когда власть находилась у Софьи, но она испытывала давление со стороны группировки мужавшего Петра. Все это сопровождалось интригами при дворе, слухами. Нарыв лопнул в августе 1689 г., когда заподозривший покушение Петр бежал из Преображенского, где он фактически постоянно жил с матерью, в Троице-Сергиев монастырь и противостояние двух «партий» — Нарышкиных и Милославских — закончилось поражением последних. При этом, как показывают исследования А. С. Лаврова, Нарышкиных и Петра поддержали далеко не все бояре. Тем не менее на волне успеха Нарышкины отправили царицу Софью в монастырь, а ее ближайшие сподвижники оказались в опале.

После фактически бескровного переворота в августе 1689 г. семнадцатилетний Петр, став полноценным соправителем, тем не менее не стал управлять государством. Как писал Б. И. Куракин, после приезда Петра и его двора из Троице-Сергиевского монастыря в Кремль «начала мать его править государство, а он производить свое время непрестанно в екзерцициях военных»¹. Как отмечал Н. И. Павленко, Петр, «добившись власти <...> тут же проявил к ней полное безразличие. Ничто не свидетельствовало о его стремлении вникнуть в дела управления. Его резиденцией по-старому оставалось Преображенское. По настоянию матери Петр в тяжеловесном царском облачении появлялся в Кремле лишь на публичных церемониях. Участие в государственных делах он ограничивал выходами в подмосковные и столичные монастыри и соборы, присутствием на семейных празднествах»². Военные, а потом и морские «экзерциции», надо отметить, весьма затянулись, и к серьезным занятиям государственными делами Петр приступил, в сущности, только через десять лет после переворота в августе 1689 г., когда победа над сестрой сама упала в руки Петра, как перезревший плод с дерева.

Как бы то ни было, победа над Софьей означала возвращение клана Нарышкиных во власть. После кровавых событий стрелецкого бунта в мае 1682 г. эта группировка была в значительной степени ослаблена, и прежде всего из-за гибели подлинного ее руководителя боярина Артамона Матвеева — государственного деятеля крупного масштаба.

Клан Нарышкиных группировался вокруг матери Петра царицы Натальи Кирилловны. Разумеется, она вошла в историю уже только тем, что родила России Петра Великого, однако нужно сказать о ее деловых качествах. Оказавшись с сентября 1689 г. на вершине власти, но никак себя не проявила и по своим данным сравниться с Софьей Алексеевной, а, возможно, и занять ее место правительницы и регентши, не смогла. Наталья Кирилловна была на шесть лет старше Софьи (родилась 22 августа 1651 г.), но до своего чудесного превращения в двадцать лет из дочери (как принято считать) мелкого рязанского дворянина в русскую царицу она не получила должного образования и воспитания и в этом сильно уступала царевне Софье. По своему характеру

царица Наталья Кирилловна не была публичным политиком, да и политиком вообще. Вряд ли можно подвергать сомнению то определение, которое дал царице Наталье Кирилловне князь Б. И. Куракин, вообще не щадивший своих современников. Куракин писал, что царица была «доброго темпераменту, добродетельнаго, токмо не была ни прилежная и ни искусная в делах и ума легкого»³. Последнее нужно понимать как ветренность, легкомыслие, несерьезность.

Дошедшее до нашего времени единственное письмо Натальи Кирилловны Петру за август 1693 г. свидетельствует о заметной (по понятиям того времени) малограмотности царицы и ее необыкновенной материнской заботливости. Эта заботливость была вполне бестолкового свойства. Удивительна история смерти царицы Натальи Кирилловны. Как известно, Петр не был при кончине матери 25 января 1694 г. В этот день, простившись с царицей у ее смертного одра в Кремле, он поспешно уехал в Преображенское, где Патрик Гордон нашел царя чрезвычайно печальным. Когда на следующий день (26 января) не дожившую до своего 43-летия царицу хоронили, Петра также не было возле гроба матери. Этот факт вызвал осуждение потомков. М. П. Погодин писал, что, «может быть, она была без памяти или страдала сильно, и Петру было слишком тяжело видеть эти страдания. Но все-таки сыну оставлять умирающую мать — противно чувству»⁴. Впрочем, более гуманно подошел к этому странному на первый взгляд поступку М. М. Богословский. Он писал, что, как следует из всех источников, Петр был объят невыразимым горем и что после заупокойной литургии на третий день царь без свиты приходил в Воскресенский монастырь и молился у могилы матери. Украдкой он бывал на могиле и в девятый, двадцатый и сороковой день. «Это поведение Петра, — пишет Богословский, — свидетельствует о глубине и искренности его горя. Он поступал, как пораженный глубокой скорбью искренний человек, которому невыносимо было являться на людях в официальной церемонии и который желал остаться со своим горем наедине, не считаясь притом ни с какими требованиями этикета»⁵.

Как бы то ни было, источники не доносят до нас сведений о каких-либо конфликтах матери и сына. Это не случайно: того, что обычно отравляет отношения ближайших родственников, — борьбы за власть между Петром и Натальей Кирилловной никогда не было. Причиной этой бесконфликтности была парадоксальная ситуация, при которой оба эти человека самодержавной властью в полной мере не пользовались: сын, как уже сказано выше, еще своего «не доиграл», а мать жила в мире «Верха», царицына терема с его довольно узким миром и интересами. Таким образом, после свержения царевны Софьи, казни Ф. Л. Шакловитого и ссылки князя В. В. Голицына, т. е. исчезновения всего фактического руководства страны, к власти пришли другие люди, близкие к царице Наталье Кирилловне и царю Петру Алексеевичу.

В научной литературе первое место в правительстве отводят дяде царя Льву Кирилловичу Нарышкину. Он возглавил Посольский приказ и его присуды. Традиционно личность Л. К. Нарышкина оценивается как весьма посредственная. На нем лежит «клеймо» князя Б. И. Куракина, в записках ко-

тогого он предстает как человек «гораздо посреднего ума и невоздержный к питью, также человек гордый и хотя не злодей, токмо не склончивый и добро многим делал без резону, но по бизарии своего гумору (т. е. по оригинальности нрава. — Е. А.)»⁶. Он же утверждал, что фактическим руководителем Посольского приказа при 25-летнем Нарышкине оставался думный дьяк Е. И. Украинцев. Впрочем, вероятно, прав и австрийский посланник И. Корб, писавший, что «некоторые завидуют его званию первого министра потому, что он — молодой человек — возведен в этот сан вопреки мнению нескольких честолюбивых стариков»⁷. Среди этих «стариков», почти открыто соперничавших с дядей царя, был князь Б. А. Голицын, который с ранних лет Петра находился при нем в качестве дядьки, был человек светский, прозападного направления, противник группировки Милославских и своего двоюродного брата кн. В. В. Голицына. Он ведал Казанским приказом, имел влияние на Петра. С момента прихода Петра к реальной власти в августе 1689 г. и до возвращения Петра из-за границы в августе 1698 г. можно говорить о правительстве Нарышкина—Голицына.

Хотя и уступая этим двум персонам по значению, все-таки оставался среди влиятельных членов правительства и боярин Т. Н. Стрешнев. Он ведал Разряд. Как известно, Разрядный приказ в системе приказов был ключевым учреждением, в него сходились все нити правления страной и, естественно, им контролировались кадры военных и администраторов. Не останавливаясь на крайне негативной характеристике, данной Стрешневу Куракиным (у которого большинство из окружения Петра — люди посредственные, подлые и ни к чему не годные, что свидетельствует, кроме всего прочего, о чрезмерных неудовлетворенных амбициях и давних обидах самого автора записок), отметим, что до самой смерти в 1720 г. Стрешнев, в отличие от многих других членов правительства Нарышкина—Голицына, оставался одним из ключевых деятелей-администраторов, точно и быстро исполнявшим многочисленные и непростые поручения Петра. Большой Дворец — центр управления дворцовыми землями и делами дворца — перешел в управление дяде царицы Евдокии Федоровны П. А. Лопухину; Большая Казна — к князю П. И. Прозоровскому. Произошли и другие замещения, обусловленные необходимостью убрать из власти людей Софьи и В. В. Голицына⁸. Поместный приказ перешел к П. В. Шереметеву, приказ Шакловитого — Стрелецкий — возглавил кн. И. Б. Троекуров. Важную роль в управлении стал играть боярин князь Я. Н. Одоевский, который 12 сентября 1689 г. был определен возглавлять своеобразный судебный департамент Боярской думы — «Палату у росправных дел», куда, помимо него, входили: М. П. Головин, Г. А. Козловский, М. С. Пушкин, окольничий М. П. Измайлов, князя Ф. И. Шаховской, Д. Н. Щербатой, Ф. Л. Волконский, думные дворяне Ф. С. Нарбеков, Ф. А. Зыков, думные дворяне П. И. Никифоров, Я. А. Кириллов, к которым позже присоединился окольничий И. Бол. С. Хитрово, а также окольничий И. А. Мусин-Пушкин — впоследствии видный и уважаемый Петром сановник. Важно отметить, что «Палата» в полном составе «оставалась на Москве» во время частых отъездов государя. Чуть ниже о роли этой «регентской комиссии» бу-

дет сказано подробнее, но теперь отметим, что с сентября 1690 г. на место кн. Одоевского был определен князь М. Я. Черкасский, которому в 1692 г. «Москву приказывали» не менее 20 раз⁹. Для этого нужно было вполне доверять оставшимся в Кремле деятелям.

Другие изменения в правящей административной верхушке после августа 1689 г. коснулись «дьяческого слоя» — тех дьяков в главных приказах, которые почти всегда были по существу подлинными руководителями центральных учреждений, держа в руках все основные нити бюрократической работы. Изменение их состава проследил А. С. Лавров. О перемещениях ряда дьяков из крупных приказов в провинцию он писал: «Все эти перемещения были продиктованы стремлением избавиться от тех, кто служил прежнему правительству, а также необходимостью подкрепить авторитет новых руководителей — сторонников Нарышкиных — назначениями опытных приказных „товарищей“, на которых должна была лечь основная тяжесть повседневной административной работы»¹⁰.

Первое десятилетие петровского царствования ознаменовалось довольно резким переходом в самом конце XVII в. от стагнации к реформам, которые коснулись как государственного, так и социального строя России. Особенно усилилось движение в сторону реформ после неудачного начала Северной войны. Нарвское поражение осени 1700 г. стимулировало Петра I к созданию регулярной армии, к изменению, на основе западного опыта, всей системы набора и обучения солдат, а также вооружения, снабжения и тактики ведения войны, строительству заводов и фабрик. Власть стала активно поощрять предпринимательство. В первые годы войны произошла подлинная индустриализация страны — число предприятий резко возросло, началось освоение богатств Урала и Сибири. Власть активно покровительствовала предпринимателям, помогала им деньгами, оборудованием, землей, крепостными, предоставляла кредиты и разнообразнейшие льготы в производстве и сбыте продукции. Уже к 1705 г. Россия удовлетворила свои потребности в металле и вооружении. Но по мере разрастания масштабов войны обострилась проблема управления, точнее — проблема эффективности работы аппарата на нужды войны. Строительство флота, создание новой армии, сама война — все это привело не только к резкому увеличению объемов работы учреждений, но и к расширению без того уже значительной сферы деятельности государства. В системе управления были сделаны и другие изменения, но все они не носили характера целенаправленных реформ.

Несколько важных событий конца 1690-х гг. изменили персональный состав правительства, если подразумевать под этим термином группу лиц, реально влиявших на ведение государственных дел и пользовавшихся доверием Петра. К первой группе событий отнесем те, которые касались внутриполитической борьбы. Хотя Петр и клан Нарышкиных победили в борьбе с Софьей и Милославскими, а затем перераспределили посты, особого «перебора людишек» (за исключением ссылки отца и сына Голицыных и казни Шакловитого) не произошло.

Если и были в правящей верхушке силы, недовольные Петром (а то, что он мог вызывать раздражение своими манерами, тесными связями с иностранцами, очевидно) и правительством Нарышкина—Голицына, то они поначалу не проявляли себя ничем. Лишь в конце 1690-х гг. их активность усилилась, а затем вылилась в стрелецкий мятеж 1698 г. Первым симптомом почти неприкрытого недовольства властью Петра стало дело И. Е. Цыклера, которое кажется весьма симптоматичным. Сомневаясь в том, что Цыклер и связанные с ним люди из господствующей элиты замыслили убийство Петра, все же нужно признать, что и Цыклер, и окольный А. П. Соковнин, и семья Пушкиных были недовольны тем, что оказались «не в чести», не пользовались доверием Петра, а значит не имели желанной власти и влияния. Цыклер жаловался приятелям, что царь к нему «в дом не ездит», в то же время часто посещая дома других сановников, а окольный М. С. Пушкин, чей сын Федор был приятелем Цыклера, был недоволен назначением воеводой в отдаленный Азов.

Тем не менее дело Цыклера было начато и закрыто в феврале—марте 1697 г., т. е. до отъезда Петра за границу. Очевидно, он не чувствовал особой опасности со стороны тех, кого он потом называл «боярами», «бородами», и поэтому решился на столь дальнее и продолжительное путешествие, не отложив его на какое-то время. Петр явно рассчитывал на энергию и верность правительства дяди и «дядьки». Кроме того, царь заранее договорился о каких-то мерах безопасности с ближним стольником кн. Ф. Ю. Ромодановским, начальником Преображенского приказа, ведавшего опорой режима Петра — гвардией, а также политическим сыском.

Расчет был верен, правительство Нарышкина—Голицына справилось с начавшимся летом 1698 г. восстанием стрельцов. Однако только что вернувшийся из-за границы Петр был недоволен действиями властей, которые прозевали сам заговор и колебались при его подавлении. Он был явно недоволен Ромодановским, который на время мятежа не проявил необходимой активности, а также боярином и воеводой А. С. Шейным, который, подавив восстание, подозрительно быстро провел расследование и казнил главных зачинщиков. Ход расследования стрелецкого дела позволил достаточно точно установить (и это несомненный факт) связи царевны Софьи со стрельцами. И хотя расследование о причастности некоторых бояр к заговору не производилось, она явно предполагалась Петром. Он не скрывал своего гнева в отношении бояр как во время похорон умершего Лефорта, так и после этого события, ознаменовавшегося скандальными нападками царя на Шеина и других бояр¹¹. В феврале 1699 г. был неожиданно арестован по обвинению в связях со стрельцами боярин и воевода кн. М. Г. Ромодановский, который до этого участвовал в расследовании стрелецкого мятежа и по настоянию Петра сам рубил им головы во время экзекуции над стрельцами. И хотя причастность его к восстанию доказана не была, дело его кажется симптоматичным.

Это недовольство царя правительством, его подозрение, что заговор охватывал гораздо больший круг людей, причастных к власти, совпало с общей неудовлетворенностью Петра общим положением дел в России, желанием

изменить ситуацию внутри страны. Словом, психологически он стоял на пороге реформ. Кроме того, неудачный дипломатический результат Великого посольства, не сумевшего на вербовать для России сторонников в борьбе с Турцией, привел к резкой смене приоритетов — была выбрана новая, антишведская ориентация политики — и одновременно возвышению нового руководителя дипломатического ведомства боярина Ф. А. Головина, с которым Петр близко сошелся во время путешествия за границей и которого начал быстро возвышать в чинах и званиях.

Важно заметить, что во второй половине 1690-х гг. Петр начинает возвышать также людей, чье происхождение и статус не позволяли сделать этого раньше. Ближними людьми становятся деятели, занимавшие в государевом дворе незначительное место или вообще не имевшие к нему отношения. В какие-то моменты традиционная система распределения должностей сохранялась, а в какие-то нарушалась. Так, во главе военного руководства формально стоял боярин А. С. Шеин, названный в 1696 г. «генералиссимусом», выдвинувшийся на первое место в армии, а также более влиятельные Франц Лефорт и Патрик Гордон. После смерти всех трех пост руководителя армии и флота, а заодно и внешней политики занимает боярин Ф. А. Головин. Примечательно, что выдвинувшиеся и ставшие «принципалами» времен Северной войны сподвижники Петра уже не получили традиционных думных чинов: генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, кн. Ф. Ю. Ромодановский так и остались ближними стольниками, будущий канцлер Г. И. Головкин «остановился» на чине постельничего. Для Петра старый «счет» кажется уже не важным, несущественным. Особенно ярко игнорирование традиции присвоения высших боярских чинов видно в истории возвышения А. Д. Меншикова — простолюдина, сына дворцового служителя (впрочем, возможно, сына мелкого польского шляхтича), бывшего в течение 20-ти лет первейшим вельможей, генерал-фельдмаршалом. Он не был даже внесен в боярские списки, которые еще велись в первом десятилетии XVIII в. Именно Головин и Меншиков на протяжении длительного времени (конец XVII в. — 1708 г.) становятся главными деятелями правительства, которое возглавляет сам Петр¹².

Особый интерес представляет судьба Боярской думы — важнейшего органа власти XVII в., которая одновременно представляла собой высшую сословную организацию правящей элиты. Можно утверждать, что поначалу у Петра не было цели кардинальным образом реформировать всю систему власти, в том числе Боярскую думу. Он стремился достичь победы в начавшейся в 1700 г. Северной войне с помощью тех учреждений, которые у него были под рукой, обходясь силами думных и служилых людей и образуя, подобно своим предкам, по мере надобности новые приказы или перераспределяя функции старых. Но уже первые годы войны показали, что существующая государственная машина не в состоянии справиться с масштабами все возрастающей нагрузки и начинает давать сбои. Как известно, государственное устройство было тогда достаточно простым: Боярская дума — приказы — уезды. Постепенно начали проследиваться элементы разрушения этого

устройства (правда, с разной степенью интенсивности) во всех звеньях управления.

К этому времени (началу XVIII в.) наступил серьезный кризис института Боярской думы. В литературе стало традиционным отмечать усиление бюрократизации, которая выразилась, с одной стороны, в увеличении среди членов Думы представителей неродовитой бюрократии, выдвинутых в силу преобладания при Петре I принципа личной выслуги над принципом знатности, а с другой стороны, в образовании постоянно действующего судебного института Боярской думы — Расправной палаты¹³. Однако эти тенденции не следует преувеличивать: до конца XVII в. в Боярской думе преобладала титулованная и старомосковская знать, а также родственники царя и царицы и, наконец, фавориты. Ни выслужившиеся приказные, ни выдвинутые из неродовитых дворян никогда не составляли в Думе сколь-нибудь значительную часть и не олицетворяли новое качество Думы¹⁴.

Как известно, В. И. Сергеевич отрицал сам факт существования Боярской думы как государственного учреждения на том основании, что широко распространенный впоследствии термин «Боярская дума» в России того времени не существовал вовсе, придуман учеными, а в источниках мы встречаем только термин «бояре». Поэтому, по мнению Сергеевича, никакого учреждения под названием «Боярская дума» не существовало вовсе, под термином «бояре» скрывались непостоянные совещания родовитых царских слуг, чей состав каждый раз определялся самим царем¹⁵. Не разделяя гипотезы В. И. Сергеевича, отметим, что он тонко подметил недостаточное развитие бюрократизации Думы даже в сравнении с приказами, полтора столетия административно-судебной практики которых отлились во вполне бюрократические формы.

Было бы ошибочно думать, что Боярская дума была чистой фикцией, ничего не решала и представляла собой лишь анекдотическое собрание бояр, которые, сидя в кремлевских палатах, только и делали, что прели в шубах и не могли слова дельного вымолвить. Среди бояр было немало талантливых людей, таких как А. Л. Ордин-Нащокин, Б. И. Морозов, кн. В. В. Голицын и многие другие. Были такие деятели и в последнем составе Думы: Ф. А. Головин, кн. Я. Ф. Долгорукий, Т. Н. Стрешнев, П. М. Апраксин, окольничий А. А. Матвеев, постельничий Г. И. Головкин. В Думе обсуждались важнейшие государственные дела, да и не всегда она просто утверждала резолюцией «Государь указал, а бояре приговорили» все бумаги, что в нее приносили. На ее заседаниях разгорались подчас нешуточные споры, которые не приводили к решению (в таком случае делалась запись «бояре поговорили»). Но это не меняло сути Думы как учреждения — те отдельные черты бюрократизации, которые мы видим в ее работе, не были настолько развиты, чтобы Дума смогла преодолеть характерные для нее архаизм и аморфность, приобрести устойчивые юридические, структурные делопроизводственные формы, отличающие «правильное» учреждение от группы приглашенных на совещание к монарху «ближних» людей, и тем самым обеспечить себе существование в новых, изменившихся условиях. Она не превратилась в бюрократическое учреждение типа высшего приказа или постоянного совета начальствующих